

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 25, Is. 3, pp. 209–217, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-25-3-209-217
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.221.18 (801.73)

Lavrovsky's «Input» in K. L. Khetagurov's Comprehension of the Problems of Intellectuals and People

Izeta V. Mamieva¹

¹ Ph. D. in Philology, Senior Scientist, Department of Folklore and Literature, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies — Affiliated Institution of the Vladikavkaz Science Centre of the RAS (NOIHSS VSC RAS) (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: dzirasga@mail.ru.

Abstract

The history of Enlightenment thought of the North Caucasus in the 80–90s of the XIX century manifested a reorientation of the ideological beliefs, caused by the collapse of expectations for the civilizing mission of the tsarist government and its «educated bureaucracy.» Illusions of the «intellectual mentorship» as a form of a dialogue with the government and rational correction methods of administration in the region were replaced by a concept of a critical thinking personality as the main driving force of progress. The present article views the poetic interpretation and implementation of the theses of P. L. Lavrov's theory of narodism in the creativity of K. L. Khetagurov within the context of socio-philosophical quest of the North Caucasian creative intelligentsia of that time.

Purpose: analyzing the number of poems included in “The Ossetian lyre” collection (“Iron fandyr”) by Kosta Khetagurov for presenting a reasoned evidence that the postulates of the Russian ideologist of narodism P. L. Lavrov, and namely, the idea of “indebtedness” to the people, were perceived by the classic of the Ossetian literature as a personal moral, artistic and philosophical imperative.

Methods: comparative contrasting and hermeneutic-interpretative methods were used in the study to understand the synthesis of the elements of the extra-textual reality and features of the poetics of the texts of the poems.

Results: the study of the poems of “The Ossetian lyre” collection viewed as consistent reflections of the various stages of “critical thinking”, discussed by P. L. Lavrov, and enabled to identify these texts as a semantic and motivational unity structured in a certain way.

Step transition from one type of consciousness to another (“Meditation” contains the idea of “justifying” the idle state lamenting isolation from the “soil”, in the “Hope” the thought is active and aimed at the process of creative and spiritual growth, and in the poem “If to...” – a searching, dynamic thought, at the level of dreams, ideas comes out to the synthesis of “one’s individual”, national and universal, worldly) contributes to the comprehension of the most important fragments of the poet’s artistic vision of the world, who in his poetry and public discourse considered himself as a citizen of the world (“The whole world is my temple, my love is my shrine / The overall universe is the homeland of mine!”).

The core of this compositional and semantic unity is the idea of “paying the debt” to the people, clearly formulated by K. L. Khetagurov in his program poem “Commandment”.

Discussion: The use of new interpretative approaches to the microcycle distinguished within the internal structure of the collection “The Ossetian lyre” as a kind of the author’s “dialogue” with philosophical theses put forward in the “Historical Letters” (1870) by P. L. Lavrov and enabled to advance a new reading of this cycle of poems, necessitating the correcting of intonation and semantic accents in them with the view of transferring attention from the traditional social dimension to the factor of personal development, and the growth phase of individual and social consciousness.

Keywords: North Caucasian enlightenment, Kosta Khetagurov, P. L. Lavrov’s theory, idea of “an irredeemable debt”, types of critical thought, interpretation.

80–90-е гг. XIX в. отмечены в истории просветительской мысли Северного Кавказа переориентацией идейных воззрений, обусловленной крахом упований на цивилизаторскую миссию царского правительства и «просвещенной бюрократии». На смену иллюзиям «интеллектуального наставничества» как формы диалога с властью в результате рациональной корректировки форм и методов администрирования в регионе [Айларова 2003; Мамиева 2013а] заступает концепция критически мыслящей личности, которая, по мнению русского социолога, философа и публициста П. Л. Лаврова, есть основная движущая сила прогресса. Идея «неоплатного долга» народу, выдвинутая им в «Исторических письмах» [Лавров 1965], на почве северокавказского просветительства эволюционирует в новую стадию понимания ролевого предназначения горской элиты. В сложившихся исторических условиях представители национальной интеллигенции вменяют себе в «нравственную обязанность», помимо образовательных функций, гражданско-правовое, духовно-эстетическое воспитание и развитие своего народа, формирование национального самосознания [Хугаев 2008; Кусаева 2010б; Гостиева 2014].

Проблема эстетического претворения понятия «неоплатного долга» в творчестве К. Л. Хетагурова в ракурсе поворота северокавказской просветительской мысли 80–90-х гг. XIX в. к народнической идео-

логии впервые была поставлена и качественно рассмотрена в культурологических трудах С. А. Айларовой [2003: 216–334; 2014]. Приложить все силы и приобретенные знания «к распространению и укреплению цивилизации своего времени», к борьбе с социальным злом, воплощая «свои художественные идеалы, научные истины, философские идеи, публицистические стремления в произведениях», которые бы позволили личности стать «влиятельным двигателем прогресса» [Лавров 1965: 87–89] — эти заветные народнические цели звучат как личный императив во всем творчестве К. Л. Хетагурова: в исполненных публицистического пафоса и страсти газетных статьях, в сокровенно-личных нотках его эпистолярия, в драматургических новациях [Кусаева 2010а] — в художественной картине мира поэта в целом, начиная с «Ныстунан», которым открывается сборник «Ирон фандыр», и завершая неоконченной поэмой «Хетаг» [Мамиева 2013б]. С учетом сказанного не случаен в изысканиях последних лет и пересмотр русского эквивалента названия программного стихотворения поэта: «Заповедь» вместо «Завещания» [Салбиев 2014]. Подобный корректив не только отвечает принципу лексико-семантической адекватности перевода слова *ныстунан* [Абаев 1973: 210], но открывает также ключ к кодированной идее текста (жертвенное служение народу), сакрализованной христианскими аллюзиями:

Æз дзыллæйæ къаддæр куы дарин,
Куы бафидин искуы мæ хæс,
Уæд афтæ æнкъардæй нæ зарин,
Нæ хъуысид мæ кæуын хъæлæс...

...Но если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

Пер. П. Панченко.

Важно заметить, что в переводном тексте сужаются масштабы «явления личного духа» (по П. Л. Лаврову) субъекта речи, поскольку в оригинале значение слова *дзыллæ*

значительно шире — ‘мир’, ‘человечество’. На это впервые обратил внимание Н. Г. Джусойты, биограф и исследователь творчества Коста Хетагурова: «Перевод

неточен, мысль поэта обеднена. Во второй строфе оригинала речь идет не только о родном народе. Коста считал себя должником перед всеми народами» [Джусойты 1980: 267].

Толкование следующего стихотворения сборника — «Раздумье» (пер. А. Шпирта) — менялось со временем. Вначале субъект высказывания безоговорочно соотносился с образом автора, а сам текст рассматривался как воплощение «благородной тоски» Коста Хетагурова «по революционности» [Джусойты 1980: 276], как исполненный трагизма и внутреннего напряжения текст, волнующий «до глубины души» искренностью чувства: «Даже традиционные проклятия в устах поэта звучат по-новому, в них — затаенная грусть, боль от сознания неосуществленных идей» [Джикаев 1980: 30].

В первую очередь заметим, что высказывание лирического субъекта в «Раздумье» начинается вовсе не с проклятий, а с банальных сетований на судьбу (*Ма удыхацаг / Ена аенцой уа* 'Пускай не знает покоя Творец (букв. Ангел-хранитель)!'), на моральные и поведенческие недостатки (*Куыд захмадзыд даен, / Куыд фыдуаг хаессын...* 'Я слаб, безвестен / В родимом краю (букв. низкоросл и дурного нрава)'), на отсутствие коммуникабельности и дара убеждения (*Хъаубастай — хъоди, / Аемгартимæ сырды, / Ныхасы гоби, / На ма хауы дзырд* 'Отвергнут ныне / Селением всем, / В тоске, в унынье / На сходках я нем'). Обратим теперь внимание на то, что самопрезентация героя заметно расходится с оценкой в критике его образа как поэта-борца. В русле данной концепции слово *фыдуаг*, неверно толкуемое как 'своенравный', признается Ш. Ф. Джикаевым, авторитетным и тонким знатоком осетинской поэзии, контекстным синонимом бунтаря. Контекстным, мысленным значением наделены также суждения исследователя о якобы отрицании субъектом речи существующих «законов общества», этических норм горской жизни, расцениваемой как проявление мятежной натуры самого автора [Джикаев 1980: 30]. Несколько иная трактовка сути стихотворения в русле русского народнического сознания дается в современных изысканиях — как драма отчужденного от «почвы» интеллигента-маргинала, столкнувшегося с непониманием «молодежью его стремления к свободе» [Айларова 2003: 317].

Идейный стержень стихотворения «Раздумье», действительно, составляют горькие размышления лирического героя по поводу нереализованности заложенного в нем интеллектуального потенциала: он лишен возможности влиять на умы молодежи, увлечь их идеей преобразования жизни (*Ма зонд, ма фандыл / На лаууы кастар, / Кастар ма фандыл / На цауы хастма* 'Мои мысли и убеждения не разделяет младший (букв. не стоит на них), / Младший за мной / Не идет на битву'). Бесспорна и одна из весомых причин сложившейся ситуации — отдаление от «корней», дистанцирование от традиционных ценностей горской жизни (*Ма фыдаен фыртаен / Цауылна бæззын? букв. 'Почему я не сын, [не гоюсь быть достойным] своего отца?'*). Но цитируемый текст не позволяет увидеть в этом ни крушения устаревших представлений «о достоинстве человека, о счастье и смысле жизни», ни, тем более, бунтарского духа.

Пути и способы проведения в 1880–1890-х гг. модернизационных реформ на Северном Кавказе оцениваются автором через посредство метафоры «кровавой битвы» во имя обретения личностной свободы и независимости отчего края. Что предпринимает в этих обстоятельствах лирический герой поэта? Он ограничивается констатацией собственного бездействия (*Басты сæрвалтау / На калы ма туг, / Хаессын къалæтау / Цагъайраджы дуг!...* 'За край мой кровью / Своей не плачу — / Раба оковы / Бесславно влачу!...'). Задумаемся, насколько правомерно отождествлять субъективное «я» Коста Хетагурова, человека, который, можно сказать, родился борцом и при любых обстоятельствах был готов вступить в схватку с несправедливостью и злом эпохи («Везде разврат открыто я корю, / И грудью грудь насилия встречаю...»), с лирическим субъектом, безропотно согбенным под бременем рабства? И не таким ли, как этот безымянный персонаж осетинского автора, адресованы слова идеолога русского народничества: «Всем жалобщикам о разврате времени, о ничтожестве людей, о застое и ретроградном движении следует поставить вопрос: а вы сами, зрячие среди слепых, здоровые среди больных, что вы сделали, чтобы содействовать прогрессу?» [Лавров 1965: 88]. Обратим внимание также на одну метафорическую деталь. Характеристика индивида, способного «критически мыслить», но не умеющего применить свои

идеи в социальной практике, передается в акте реификации абстрактного понятия *зонд*, где человеческий ум уподобляется предмету, на который можно встать. Возникает закономерный вопрос: не есть ли, в таком случае, отказ молодой поросли ступить на «поверхность ума» лирического субъекта (*Маэ зонд, маэ фæндыл нæ лæууы кæстæр*) свидетельство ненадежности опоры под ногами?

С учетом изложенных обстоятельств полагаем, что в радикальной поправке нуждается как традиционное, так и более позднее прочтение стихотворения «Раздумье», особенно в части восприятия критикой авторского отношения к своему герою. В контексте концептуального анализа целесообразнее, на наш взгляд, переместить акцент на возможный «диалог» поэта с известным тезисом П. Л. Лаврова о «безнравственном индифферентизме» определенного слоя интеллигенции и о неприятии отговорок, оправдывающих ее бездействие. По существу, Коста Хетагуров в этом стихотворении повторяет — чуть ли не дословно — причины, позиционируемые русским философом как надуманные (ср.: «...большинство их ссылается на слабость сил, недостаток таланта, малый круг действия, враждебные обстоятельства, враждебную среду, враждебных людей и т. д. „Какие мы деятели! — говорят они. — И учили нас не доучили, и статейку журнальную написать не сумеем, и пророческим красноречием Господь обидел...“» [Лавров 1965: 87]). Если и есть какие-то различия, то лишь в оттенках перечислительной интонации.

Лексема *сагъæс* ‘горькая дума’, ‘раздумье’ концептуально значима также в

стихотворении «Ныфс» («Надежда», пер. Б. Иринина), и мотивирована она, как нам представляется, неявной оценкой претензий на лидерство предыдущего субъекта высказывания. Авторская точка зрения проявляется на уровне «укрупняющего» понятие *сагъæс* семантического контекста (*субъективные размышления* → *думы отчизны*), а также изменения интонационно-акцентной формулы произведения в целом (*скрытая ирония* → *жизнеутверждающий пафос*). К коррективам подобного можно причислить и вариативность оппозиции «отец-сын». В стихотворении «Раздумье» конфликт поколений представлен как свершившийся скорбный факт. Структурно-семантическая модель текста «Надежды» представляет собой беседу негармоничного типа — между представителями двух эпох, двух мировоззрений: «...вступая в спор с отцом, приверженным старым, традиционно „военным“ представлениям о предназначении и жизненной цели горской молодежи, лирический субъект стихотворения Коста Хетагурова отстаивает для нее новую ориентацию — приобщение к лучшим человеческим формам гражданственности, духовности, сохранение и мобилизацию всего подлинно гуманистического в осетинской культуре» [Айларова 2003: 302]. Притом, что адресат речи известен буквально с первой фразы-обращения (*Тызмагъæй маем ма кæс, / Маэ фыды заеронд букв.* ‘Не смотри на меня сурово, мой старик-отец’), акт коммуникации осуществляется в стихотворении, ввиду отсутствия обратной связи (реплик-реакций), в форме квазидialogа. Автобиографический герой декларирует свою чуждость идеалу молодечества:

Æз топпæй нæ хъазын,
Æз барæг нæ дæн;
Æхсаргард ысласын
Маэ бон нæу маенæн...

Ружья не держу я,
Не мчусь на коне,
И шашку стальную
Не вытащить мне...

Вместе с тем полемическая речь юноши не выходит за рамки традиций почитания родителей, уважения к старшему — чего нельзя никак сказать о переводном эквиваленте: «Что брови сдвигаешь, / Отец? Ты не прав!» [Дзапарова 2014]. Обратим внимание и на грамотно выстроенную стратегию аргументации. Нарочито подчеркнута дистанция между собой и заслугами отца (*Дæ номыл, дæ кадыл / Нæ барын махи...* ‘По мне ль твоя слава / И гордая честь?’ (досл.:

Не берусь тягаться с твоей славой)), возражения ему в какой-то степени смягчены словесной формулой, имеющей ярко выраженный национальный коннотат — *маэ фыды заеронд* (‘старик-отец’). Ту же цель преследует тактика противопоставления родителя сословию «чванливых» (*Фæхударæнт мыл хъалтæ, — / Ды се ‘мбал нæ дæ!*), и каскад идиом, призванных поддержать право говорящего на «свой путь» в жизни и даже на собственные ошибки:

Йæ фыды фæндиаг
 Кæм ваййы фырт дæр?
 Лæппуйæ рæдиаг
 Нæ ваййы æвзæр!

Чей сын ожиданья
 Отца оправдал?
 Кто в юности ранней
 Ошибок не знал!

Пожалуй, лишь в одном месте проскользнет нотка досады (*Ныуадз мæ мæ адыл, / Фæндон хорз кæм и?! 'Оставь меня, право, таким, как я есть'*), но речь героя завершится, как и начиналась: учтивой просьбой не принимать близко к сердцу сыновний нрав.

В целом безысходный сценарий оппозиции ко всему и вся, легший в основу «Раздумья», заменен в «Надежде» конструктивным противостоянием косному и отживающему в горской среде. Лирический герой Коста Хетагурова, при всей своей самодостаточности и обособленности бытия, не воспринимает мир вокруг как нечто враждебное. Напротив, в единении с народом, на ниве труда во имя народного счастья находит он источник гармонизации души. Ранее мы писали о блестящей авторской находке — окказиональной метафоре *сердце народа — пашня*, возделываемая поэтом-пахарем [Мамиева 2014: 130]. Не исключено, что, помимо интертекстуальных переключек с классиками русской литературы («Свободы сеятель пустынный...» А. С. Пушкина, «Сеятелям» А. Н. Некрасова), а в первую очередь — с евангельской Притчей о сеятеле, автор апеллирует здесь и к известным рассуждениям П. Л. Лаврова о непоколебимости убеждений и результативности упорного труда в деле служения прогрессу: «Земледелец, обработавший почву и посеявший семена, знает, что многие семена погибнут, что он никогда не оградит нивы от потравы, от неурожая, от ночного хищника, но и после неурожая он несет на поле снова горсть семян, ожидая будущей жатвы» [Лавров 1965: 88].

Концепция подвижничества во благо народа раскрывается в анализируемом стихотворении в метафорических образах плуга и быков (*Мæ гутон, мæ галтæ — / Мæ фæндыр, мæ зонд 'Волы наготове, / Исправен мой плуг...'*) — поэтических ассоциатов умственной деятельности. Через них концепт *зонд* обретает двунаправленность семантического вектора: 'разум', 'интеллект' — репрезентируется в стихотворении 1) как энергичный «рычаг» воздействия лирического «я» на сознание соотечественников и 2) как «плоды» ментальной деятель-

ности самого народа, которые есть духовная пища, «осенний сбор урожая» «критически мыслящей личности», — то, чем ей предстоит жить и что перерабатывать до следующего «сезонного обмолота» в своем творческом сознании (*Нæ бæсты сагъæстæ — / Мæ фæззыгон най 'Горькие думы моей родины — моя осенняя молотьба*).

Еще одной скрытой доминантой текста «Надежды» является развитие и отстаивание лирическим «я» своего человеческого достоинства. В отличие от предыдущего стихотворения, пораженческих настроений здесь нет и в помине, а есть абсолютная убежденность субъекта высказывания в созидательной силе человеческой мысли. Финальные строки как элемент рамочной композиции (*Мæгуыраей мын ма тæрс... букв. 'Не тревожься за меня, бедность — не мой удел*) подводят черту в споре с отцом, утверждая мысль об истинном богатстве человека, «жнеца народных дум». Так усложненно-метафорически передается поэтом диалектика взаимодействия и взаимообогащения художника и народа, диалектика прогресса.

Общество в своем развитии проходит, по П. Л. Лаврову, множество стадий: от начальной (материнский род как первобытная форма общежития) до высшей, осуществляемой в масштабах всего человечества. Подобной кульминационной точкой в создаваемой К. Л. Хетагуровым модели нравственного развития личности как двигателя прогресса является стихотворение «Æй, джиди!» («Если бы...»). Открывает его образ сердца — ткача «ласковых лучей», концептуализирующий сферу субъективных состояний героя, основанных на семантике желательности. В ментальной установке говорящего доминирующей является идея личностного самосовершенствования и горячий сердечный порыв — снискать на этом пути уважение народа, заслуженный статус лидера нации: «Æй-джиди!, — *афтæ фæзæгъы йæхицæн, / «Искуы æз дæр / Адæмы фарнаей куы скæнин мæхицæн / Кад æмæ сæр!»*» «Если бы, — так [он] говаривает себе, / «Когда-нибудь и я / Фарном [Животворящей силой благодати] народа создал себе / Почет и достоинство!»» (подстрочный перевод авт. — И. М.).

Заключительная, третья, строфа вносит в аксиологию персонажа вселенские мотивы, связанные с такими качествами, как от-

зывчивость на чужие страдания и боль, восприятие любви как высочайшей всечеловеческой (христианской) добродетели:

Тарфдæр мæ зæрдæ йæхимæ куы хæссид
Искæй зынад,
Дунейы хæрзтæй хуыздæр мæм куы кæсид
Уарзондзинад!..

Если бы в сердце впиталась
Участь скорбящих во мгле,
Если б любовь мне казалась
Вышим из благ на земле!..
пер. Б. Авсарагова

Репрезентируемая в стихотворении трехступенчатая система модальности (личное — национальное — общечеловеческое) задает тон фоностилистическому оформлению идеи лидерства как способа «оплаты долга» обществу, народу, миру, манифестируя в очередной раз абсолютный приоритет гражданских интересов автора перед личными.

Итак, анализ стихотворений «Ныстуан», «Сагъæс», «Ныфс» и «Æй, джиди!», следующих в сборнике друг за другом, выявил, что по сравнению с остальными текстами они представляют собой особо тесное функционально-смысловое целое. Учитывая концептуальную значимость архитектоники «Ирон фандыра» как единого поэтического организма, мы склонны характеризовать их как микроцикл, в котором в виде трех фаз, или состояний, «критической мысли», нашли художественное отражение постулаты лавровской (народнической) теории. Первая фаза — это тип сознания, «оправдывающегося» и в бездействии сетующего на оторванность от «почвы» («Раздумье»); вторая фаза — мысль активная, нацеленная на процесс творческого и духовного роста; опорой ей служат уверенность в себе и твердая воля, питаемые чувством кровного единства с народом («Надежда»); в третьем случае перед нами — срез мысли ищущей, динамичной, пока еще на уровне мечты-идеи, выходящей к синтезу «своего», национального и универсального, общечеловеческого («Если бы...»). Ядром же этой композиционно-смысловой общности является идея необходимости «оплаты долга» народу, со всей определенностью сформулиро-

ванная К. Л. Хетагуровым в программном стихотворении «Заповедь» («Ныстуан») и ставшая нравственным и художественно-философским императивом всего его творчества: «ее он выдвинул как философскую декларацию» [Айларова 2003: 298].

В результате использования новых интерпретационных подходов к микроциклу, определенному нами во внутренней структуре сборника «Осетинская лира» как своеобразный «диалог» автора с философскими тезисами, выдвинутыми в «Исторических письмах» (1870) П. Л. Лаврова, в статье предложено новое прочтение текстов. Суть его заключается в реконструкции интонационно-смысловых и эмоционально-логических акцентов в стихотворениях данного ряда в плане переноса внимания с традиционного социального аспекта на фактор личностного развития, на фазы роста индивидуального и общественного сознания. Феномен харизматического лидерства, репрезентируемый в анализируемых текстах, сопрягается в эстетическом сознании Коста Хетагурова с особой миссией хранителя и проводника духовных ценностей народа, оплодотворенных передовыми воззрениями времени, в ряду которых не последнее место отводится категориям гуманизма и любви как высшего достижения человечества. Микроцикл способствует, таким образом, постижению важнейших фрагментов художественной картины мира поэта, который в своих стихах и публицистическом дискурсе неизменно позиционировал себя как сын своего народа и как гражданин мира: «Весь мир — мой храм. / Любовь — моя святыня, / Вселенная — отечество мое».

Литература

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 448 с.
- Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX в. Культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. 366 с.
- Айларова С. А. Проблема «интеллигенция и народ» в творчестве К. Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 21–46.
- Гостиева Л. К. Борьба осетинской интеллигенции за сохранение Владикавказской Ольгинской женской гимназии в конце XIX века // Коста и мировой историко-культурный процесс: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 64–72.
- Гутиева Э. Ш. Коста Хетагуров и общественно-культурная среда осетин // Коста и мировой историко-культурный процесс: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 73–80.
- Джикаев Ш. Ф. Осетинская литература: Краткий очерк. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1980. 112 с.
- Джусойты Н. Г. История осетинской литературы: Дооктябрьский период. Кн. I (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.
- Дзанарова Е. Б. Эквивалентность лексических единиц оригинала в вариантах перевода А. Ахматовой поэмы К. Хетагурова "Чи дæ?" ("Кто ты?") // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 96–115.
- Куцаева З. К. Аксиологические доминанты художественного мира К. Л. Хетагурова-драматурга // Вопросы литературы и фольклора. 2010а. № 4. С. 41–51.
- Куцаева З. К. Творческое наследие К. Л. Хетагурова в едином духовном пространстве мировой художественной культуры // Кавказский сборник. М., 2010б. С. 221–229.
- Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1965. Т. 2. Исторические письма. 703 с.
- Мамиева И. В. Авторское «я» в текстах северокавказских просветителей конца XVIII – начала XIX века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013а. № 50. С. 103–109.
- Мамиева И. В. Поэтическая вселенная К. Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013б. 510 с.
- Мамиева И. В. Художественный концепт ЗÆРДÆ/СЕРДЦЕ и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К. Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 127–145.
- Маслова Ю. П., Фокин А. А. Поэтика интертекстуальности ранней прозы И. Д. Сургучева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 61–64.
- Салбиев Т. К. О типе религиозности Коста Хетагурова: «Ныстуан» («Заповедь») // Известия СОИГСИ. 2014. № 13 (52). С. 73–83.
- Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008. 559 с.

References

- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language] Т. II. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 448 p. (In Russ.).
- Aylarova S. A. *Obshhestvennaja mysl' narodov Severnogo Kavkaza v XIX v. Kul'turno-istoricheskie problemy modernizacii* [Public thinking of the people of the North Caucasus in the XIXth century: Cultural and historical problems of modernization]. Vladikavkaz, North Ossetian State University Publ., 2003, 366 p. (In Russ.).
- Aylarova S. A. *Problema «intelligencija i narod» v tvorchestve K. L. Hetagurova* [Problem of "the intellectuals and the people" in the creativity of K. L. Khetagurov]. *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi process. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferencii, posvjashennoi 155-letiyu so dnja rozhdenija K. L. Hetagurova* [The collection of materials of the International conference honoring the 155 anniversary of the birth of K. L. Khetagurov. "Kosta and International Historical and Cultural Process"]. Vladikavkaz, NOIHSS VSC RAS (North Ossetian Institute for Humanitarian and Social

- Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences) Publ., 2014, pp. 21–46 (In Russ.).
- Gostieva L. K. *Bor'ba osetinskoj intelligencii za sohranenie Vladikavkazskoi Ol'ginskoj zhenskoi gimnazii v konce XIX veka* [Fight of the Ossetian intellectuals for preservation of the Vladikavkaz Olginsky gymnasium for girls at the end of the XIX century]. *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi process. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferencii, posvjashhennoi 155-letiyu so dnja rozhdenija K. L. Hetagurova*. [The collection of materials of the International conference honoring the 155 anniversary of the birth of K. L. Khetagurov. "Kosta and International Historical and Cultural Process"]. Vladikavkaz, NOIHSS VSC RAS (North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences) Publ., 2014, pp. 64–72 (In Russ.).
- Gutieva E. Sh. *Kosta Khetagurov i obshchestvenno-kul'turnaya sreda osetin* [Kosta Khetagurov and the public and cultural environment of Ossetians]. *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi process: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferencii, posvjashhennoi 155-letiyu so dnja rozhdenija K. L. Hetagurova* [The collection of materials of the International conference honoring the 155 anniversary of the birth of K. L. Khetagurov. "Kosta and International Historical and Cultural Process"]. Vladikavkaz, NOIHSS VSC RAS (North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences) Publ., 2014, pp. 73–80 (In Russ.).
- Dzhikaev Sh. F. *Osetinskaja literatura: Kratkij ocherk* [Ossetian literature: A short sketch]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University Publ., 1980, 112 p. (In Russ.).
- Dzhusoyty N. G. *Istorija osetinskoj literatury: Dooktjabr'skii period. Kn. I (XIX vek)* [History of the Ossetian literature. Pre-October period. Book I (XIXth century)]. Tbilisi, Metsniyereba Publ., 1980, 332 p. (In Russ.).
- Dzaparova E. B. *Ekvivalentnost' leksicheskikh edinic originala v variantah perevoda A. Ahmatovoi poyemy K. Hetagurova «CHi dæ?» ("Kto ty?")* [Equivalence of the lexical units of the original poem of K. Khetagurov "Who are you?" in the variants of translation by A. Akhmatova]. *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi process: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferencii, posvjashhennoi 155-letiyu so dnja rozhdenija K. L. Hetagurova* [The collection of materials of the International conference honoring the 155 anniversary of the birth of K. L. Khetagurov. "Kosta and International Historical and Cultural Process"]. Vladikavkaz, NOIHSS VSC RAS (North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences) Publ., 2014, pp. 96–115 (In Russ.).
- Kusaeva Z. K. *Aksiologicheskie dominanty khudozhestvennogo mira K. L. Khetagurova-dramaturga* [Axiological dominants of the artistic world of K.L. Khetagurov as a playwright]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore]. Vladikavkaz, 2010a, № 4, pp. 41–51 (In Russ.).
- Kusaeva Z. K. *Tvorcheskoe nasledie K. L. Hetagurova v edinom duhovnom prostranstve mirovoi hudozhestvennoi kul'tury* [Creative heritage of K. L. Khetagurov in the common spiritual space of the world's artistic culture]. *Kavkazskij sbornik* [Caucasian collection]. Moscow, 2010, pp. 221–229 (In Russ.).
- Lavrov P. L. *Filosofija i sociologija. Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah* [Filosophiya's laurels and sociology. The chosen works in two volumes]. Moscow, Social and economic literature "Thought" Publ., 1965. Vol. 2. Historical letters, 703 p. (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Avtorskoe «ja» v tekstah severo-kavkazskikh prosvetitelei konca XVIII – nachala XIX veka* [Authorial "I" in the texts of the North Caucasian enlighteners of the late XVIIIth – the first half of the XIXth century]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN* [Scientific journal of the Daghestan scientific center of RAS]. Makhachkala, 2013, no. 50, pp. 103–109 (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Poeticheskaja vseleennaja K. L. Hetagurova v slovarnom izmerenii («Osetinskaja lira»)* [Poetic Universe of K. L. Khetagurov in lexicographic dimension ("The Ossetian lira")]. Vladikavkaz, NOIHSS VSC RAS (North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences) Publ., 2013, 510 p. (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Hudozhestvennyi koncept ZÆRDÆ/SERDCE i ego leksiko-semanticheskaja reprezentacija v poyezii K. L. Hetagurova* [An artistic concept ZÆRDÆ/heart and its lexico-semantic representation in the poetry of K. L. Khetagurov]. *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi process: Sbornik materialov*

- Mezhdunarodnoi konferencii, posvyashennoi 155-letiyu so dnja rozhdenija K. L. Hetagurova* [The collection of materials of the International conference honoring the 155 anniversary of the birth of K. L. Khetagurov. "Kosta and International Historical and Cultural Process"]. Vladikavkaz, NOIHSS VSC RAS (North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences) Publ., 2014, pp. 127–145 (In Russ.).
- Maslova Yu. P., Fokin A. A. *Poetikaintertekstualnosti ranney prozy I. D. Surgucheva* [The poetics of the intertextuality of the early prose of I. D. Surguchev]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk institute for humanitarian studies of the Russian Academy of Sciences]. 2012, No. 1, pp. 61–64 (In Russ.).
- Salbiev T. K. *O Tipe religioznosti Kosta Hetagurova, «Nystuan» («Zapoved'».)* [About the type of Kosta Khetagurov's religiousness. "Nystuan" ("Commandment")]. *Izvestija SOIGSI* [Scientific Journal of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies], 2014, no. 13 (52), pp. 73–83 (In Russ.).
- Khugayev I. S. *Genesis i rasvitie russkoyazychnoy literatury* [Genesis and development of Russian-speaking Ossetian literature] Vladikavkaz, Ir Publ., 2008, 559 p. (In Russ.).
- Maslova Yu. P., Fokin A. A. *Poetikaintertekstualnosti ranney prozy I. D. Surgucheva* [The poetics of the intertextuality of the early prose of I. D. Surguchev]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*

УДК 821.221.18 (801.73)

ЛАВРОВСКИЙ «СЛЕД» В ОСМЫСЛЕНИИ К. Л. ХЕТАГУРОВЫМ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И НАРОДА

Изета Владимировна Мамиева¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Владикавказского научного центра РАН (СОИГСИ ВНИЦ РАН) (Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: dzirasga@mail.ru.

Аннотация. В статье впервые в контексте общественно-философских исканий северокавказской просветительской мысли 80–90-х гг. XIX в. рассматривается поэтическая реализация в программном сборнике «Осетинская лира» («Ирон фандыр») К. Л. Хетагурова идей народнической теории П. Л. Лаврова.

Цель работы состоит в аргументированном доказательстве того, что постулаты русского социолога, философа и публициста относительно «неоплатного долга» интеллигенции народу были восприняты классиком осетинской литературы как личный нравственный и художественно-философский императив. В исследовании использованы сравнительно-сопоставительный и герменевтико-интерпретационный методы, позволяющие осмыслить в синтезе элементы внетекстовой реальности и характерные особенности поэтики стихотворного текста.

Анализ ряда произведений сборника в аспекте последовательного отражения в них различных состояний «критической мысли», выведенных в трудах идеолога русского народничества, позволил маркировать эти тексты как определенным образом структурированное семантико-мотивационное единство. Ступенчатость перехода от одного типа сознания к другому (в «Раздумье» — мысль «оправдывающаяся», в состоянии бездействия сетующая на оторванность от «почвы»; в «Надежде» — мысль активная, нацеленная на развитие духовно-творческого начала, на процесс слияния индивида с этносом; в стихотворении «Если бы...» — мысль ищущая, динамичная, на уровне мечты-идеи выходящая к синтезу «своего», национального и универсального, общечеловеческого) способствует постижению важнейших фрагментов художественной картины мира поэта, позиционировавшего себя как гражданин мира. Ядром же этой композиционно-смысловой общности является идея «оплаты долга» народу, со всей определенностью сформулированная К. Л. Хетагуровым в программном стихотворении «Заповедь».

Автором предложены новые интерпретационные подходы к микроциклу, специфицированному во внутренней структуре сборника «Осетинская лира», что дало возможность скорректировать интонационно-смысловые акценты в традиционном и более позднем прочтении стихотворений указанного ряда в ракурсе переноса внимания в них с социального аспекта на фактор личностного развития, различных фаз роста индивидуального и общественного сознания.

Ключевые слова: северокавказское просветительство, Коста Хетагуров, теория П. Л. Лаврова, идея «неоплатного долга», типы критической мысли, интерпретация.